

СИМОНА ДЕ БОВУАР И ПСИХОАНАЛИЗ:
РАЗМЫШЛЕНИЯ О СЕМИНАРЕ В ПАРИЖЕ
(2010 год)

Пьер Бра¹

В Симоне де Бовуар есть нечто от «крипто-психоаналитика». Хотя это определение и принадлежит Джулиет Митчелл, многие из участников семинара «Симона Бовуар и психоанализ», который проходил в Париже 19–20 марта 2010 под руководством Даниэль Брюн и Юлии Кристевой, несомненно, возьмут это словосочетание на вооружение.² Симона де Бовуар обычно представляется нам решительным критиком теории Фрейда. Постоянная работа над критикой, как показывают представляемые мной выступления на семинаре, как раз является признаком глубокого интереса к психоанализу, который Симона де Бовуар демонстрировала в течение всей своей жизни. Уже в 1930-е Бовуар включила изучение психоанализа в курс, который вела в лицее, а впоследствии развернула полемику с Фрейдом на страницах книги *Второй пол* (1949). Бовуар также ссылалась на психоанализ в своих романах, и особенно в *Мандаринах*, где главный женский персонаж, Анна, является психоаналитиком. В автобиографии де Бовуар можно найти пересказанные сны, которые заинтересовали многих из тех, кто выступал на семинаре в Париже, и в особенности Даниэль Брюн и Юлию Кристеву. Наконец, в 1976 Симона де Бовуар сказала Алисе Шварцер:

«Есть ещё одна вещь, которую я хотела бы сделать, если бы мне было 30 или 40 лет: написать работу о психоанализе. Но не отталкиваясь от Фрейда, а представив этот подход с феминистской точки зрения: в соответствии со взглядом женщины, а не мужчины»³.

Элизабет Рудинеско показала в своей книге *История психоанализа* значение Бовуар: впервые во Франции – даже раньше, чем психоаналитики, – она последовательно изучала женскую сексуальность и связывала её с проблемой эмансипации женщин. Бовуар оказалась первопроходцем, и *Второй*

¹ Pierre Bras – Visiting Assistant Professor of French, Center College, Department of French and Italian, University of Santa Barbara.

² Материалы семинара опубликованы осенью 2010 в журнале *L'Homme et la Société* (ISSN 0018-4306).

³ *Simone de Beauvoir aujourd'hui. Six entretiens*. Paris: Mercure de France, 1984. P. 94. Уже в 1966 г. Бовуар высказала желание, чтобы женщины «взялись за психоанализ женщины, но вовсе не в духе Фрейда, как это делают все до сих пор...» (см.: Jeanson F. *Simone de Beauvoir ou l'entreprise de vivre*. Paris: Le Seuil, 1966. P. 260).

пол дал не только новые основания для феминизма, введя вопрос о различии полов, но и способствовал перевороту во фрейдизме, так как десятилетие спустя это произведение позволило Лакану взяться за изучение вопроса женской сексуальности.

Исходя из этих данных, организаторы семинара предприняли не имевшую до сих пор аналогов инициативу по объединению психоаналитиков для того, чтобы заставить их перечитать Бовуар и впоследствии произвести переоценку взаимосвязи между этим автором и психоанализом. Философы, со своей стороны, были приглашены осмыслить отношение Бовуар к «экзистенциальному психоанализу» – теории, разработанной Сартром в книге *Бытие и ничто*. В задачи семинара не входило систематическое выискивание лакун и ошибок, которые Бовуар допустила в своём рассмотрении произведений Фрейда и его последователей, – тем паче что это уже было сделано другими, и в различных местах⁴. Нам хотелось бы пролить свет на значение критики, которую Бовуар осуществляла в отношении фрейдистской теории женщины. Мы также стремились узнать, могут ли её взгляды на женскую сексуальность и методология, которую она использовала для решения этого вопроса, занять место в психоаналитическом дискурсе и, в частности, может ли мысль Бовуар использоваться в процессе обучения в университетских курсах по психоанализу.

Для того чтобы приступить к рассмотрению этих вопросов, недостаточно изучить лишь теоретические тексты Бовуар, поскольку мысли Бовуар также вписаны и в автобиографию, и в романы, только иным способом. Поэтому семинар был организован вокруг трёх осей. На первом заседании рассматривалось, какое место психоанализ занимает в романах и автобиографии Симоны де Бовуар⁵; второе заседание посвящалось произведению *Второй пол* и вопросу женственности⁶; последнее заседание было направлено на рассмотрение философии Бовуар и экзистенциального психоанализа⁷.

Для того чтобы поместить тему семинара в соответствующий контекст, семинар открылся пленарным докладом Элизабет Рудинеско. Это выступление напомнило участникам о дискуссиях по вопросу о женской сексуальности, развернувшихся вокруг работ Фрейда и его последователей и предшествовавших выступлениям Симоны де Бовуар по этому вопросу. Далее, стремясь придать нашим размышлениям перспективу, я представил библиографию,

⁴ Hamon M.-C. Le point de vue psychanalytique // I. Galster (red.) *Simone de Beauvoir: Le Deuxième Sexe. Le livre fondateur du féminisme moderne en situation*. Paris: Champion, 2004. P. 53–68.

⁵ Заседание подготовлено Даниэль Брюн, Лайзой Аппиньянези, Франсуазой Горог и Лори Лофер.

⁶ Руководитель – Франсуаза Барэ-Дюкрюк; пленарный доклад делала Моник Шнайдер, реакции на который представили Джулиет Митчелл и Жаклин Роуз.

⁷ Модератор – Мишель Кайль, при участии Ульрики Бьорк, Сесиль Дезю и Женевьев Фресс.

связанную с темой «Бовуар и психоанализ», чтобы показать то типичное, что уже написано по этому вопросу. Семинар завершил пленарный доклад Юлии Кристевой.

1. Исторический и библиографический контекст

Элизабет Рудинеско

В своём докладе, озаглавленном «*Второй пол* в противостоянии психоанализу», Элизабет Рудинеско уделяет внимание рассмотрению контекста психоаналитической мысли, исходя из которого Симона де Бовуар написала свою книгу о женщинах, напечатанную через 10 лет после смерти Фрейда. Историк психоанализа обращает наше внимание на тот факт, что размышления о женщинах во *Втором поле* способствовали формированию новой исследовательской парадигмы. Отныне требовать равенства политических прав недостаточно: необходимо считаться с «женской сексуальностью как антропологическим объектом и экзистенциальным переживанием». Мимоходом Рудинеско отмечает, что, несмотря на расхождения, Симону де Бовуар и Фрейда кое-что объединяет, а именно: обоих постоянно ругали за то, что сексуальность у них занимает центральное место – они рассматривали нормальную сексуальность, но другие принимали их за извращенцев.

Рудинеско представляет различные психоаналитические теории сексуальности женщины, с тем чтобы показать, как Бовуар поместила своё произведение в этот контекст. Она возвращается к тезису о сексуальном монизме и мужской сущности человеческого либидо, тезису, который защищал Фрейд, и к вере Фрейда в то, что ребёнок не знает о существовании вагины. Далее Рудинеско очерчивает границы анализа желания пениса, но подчёркивает факт, что Фрейд отрицает идею инстинктивной природы сексуальности. Для него уже не существует ни материнского инстинкта, ни женского рода. Фрейд полагает, что для человеческого существа анатомия не является непреодолимым горизонтом. Рудинеско продолжает:

«Узнать судьбу для того, чтобы стать свободнее от неё, – вот характеристика теории свободы, которая содержится в психоанализе».

Рудинеско возвращается к возражениям английской школы 1920-х гг. на фрейдистскую теорию женской сексуальности. Критики отрицали понятие единственного либидо, которое одновременно и наиболее соответствует клиническим наблюдениям, и предполагает риск, связанный с защитой существования сексуального различия, основанного на анатомии. Но Фрейд маргинализировал это отличие благодаря теории монизма, поскольку считал, что физическое различие лишено эквивалента в бессознательном.

Рудинеско находит место *Второму полу* в истории теорий женской сексуальности. Она утверждает, что эта книга – первое произведение, объектом которого является женская сексуальность

во всех её проявлениях. Поэтому она является основополагающей книгой не только для современного феминизма, но и для новых теоретических течений психоанализа. Бовуар, первая во Франции, ещё за десять лет до Лакана, включилась в психоаналитическую дискуссию о женской сексуальности, которая происходила между Веной и Лондоном. Необходимо признать за Бовуар право первоходца на основании того, что в борьбе за эмансипацию она первая связала различные теории женской сексуальности, произошедшие от фрейдизма и продолжателей дела Фрейда.

Рудинеско отмечает, что, несмотря на то что Бовуар мало цитирует Мелани Кляйн, она всё же ближе к английской школе. Действительно, автор *Второго пола* отвергает фрейдовскую идею сексуального монизма и утверждает тем самым существование второго пола. Но, опираясь на экзистенциализм, она уходит от натуралистского предубеждения, которое принимали психоаналитические школы, критикующие фрейдизм: Симона де Бовуар настаивает, что «женщиной не рождаются, женщиной становятся». Когда Бовуар видит, что женская сексуальность отличается от сексуальности мужчин, она придаёт экзистенциальное содержание этому отличию: женственность – это вечное становление, которое конструирует себя через жизненный опыт субъекта и через его отношение к окружающему. Этим объясняется, почему женщина, отчуждённая в образе, который из неё лепит общество, становится *Другим* мужчины.

Напомнив, что Симона де Бовуар отрицала понятие фрейдовского бессознательного как понятие, препятствующее свободе и не считающееся с отличием женственности, Рудинеско заостряет внимание на слабых местах теории Бовуар о становлении женщины. Она считает, что Бовуар ошибается, упраздняя биологическую реальность различия полов. В подтверждение Бовуар ищет обоснования в экзистенциализме, а также в лакановской теории стадии зеркала. По Бовуар, женщиной не рождаются, потому что отчёт в своей идентичности (приобретённое *я*) можно дать себе только через образ, предоставляемый зеркалом (*on est autre*).

Для обоснования теории нарциссизма Симона де Бовуар ссылается на Лакана и его учителя Гасьяна Клерамбо. Она основывается на клинических описаниях эротомании, состоящей для субъекта в том, что он считает себя любимым всеми. Это позволяет Симоне де Бовуар описать способы, которыми женщины пытаются реализовать свою индивидуальную судьбу; она выделяет три типа: нарциссический, влюбчивый и мистический. Действительно, Симона де Бовуар выстраивает настоящую психологическую теорию женского отчуждения, показывая как женщины, заключённые в своей имманентности, тщетно пытаются реализовать свою трансцендентность: нарциссический тип отчуждает себя в образе себя; влюбчивая отчуждает себя в человеке, которого любит; женщина-мистик отчуждает себя в Боге.

Согласно Рудинеско, в книге *Второй пол* впервые во Франции производится синтез психоаналитических доктрин о женской сек-

суальности. Работы Лакана после 1959 года вдохновлены *Вторым полом*, хоть об этом нигде напрямую не говорится. Прежде всего потому, что, несмотря на построение теории сексуального монизма, он добавляет понятие компенсации вместо идеи различия (Другого). Впоследствии его знаменитое «Женщина не существует» – запоздалый ответ Симоне де Бовуар.

Пьер Бра

Несмотря на то что факт объединения психоаналитиков с целью обсудить Симону де Бовуар и её работы – новая инициатива, это следовало бы рассмотреть в контексте уже существующих, хотя и разрозненных текстов о связи между работами Бовуар и психоанализом. В своём выступлении я представил «Библиографию по теме *Бовуар и психоанализ*». Это необъятная задача, потому что по этому вопросу было написано множество работ, и всё процитировать невозможно. Я предлагаю типологию работ, в которых затрагивалась эта проблема, в соответствии с планом организации семинара: романы и автобиография; *Второй пол*; экзистенциальный психоанализ.

Прежде всего, я хотел бы отметить, что в библиографии можно найти доказательства, что Симона де Бовуар очень рано заинтересовалась психоанализом: мы располагаем свидетельством одной из её учениц, у которой она преподавала в 1930-х гг.⁸ Этот интерес она никогда не скрывала, что подтверждают беседы Бовуар с Алисой Шварцер (см. *сноска 3*) и Франсисом Жансоном (там же).

В том, что касается романов и автобиографии, некоторые авторы применяют психоаналитический подход для интерпретации текстов Бовуар. Для примера я обратился к двум текстам. У Жене-вьев Шепер⁹ двойная задача: проанализировать романы Бовуар с помощью психоаналитического подхода и в то же время выявить отношение Симоны де Бовуар к психоанализу. Она считает, что Бовуар не только эволюционировала от критического отношения к уважению позиции Фрейда, но и была нацелена на то, чтобы способствовать признанию значимости работ Фрейда, чьи аналитические приёмы помогли ей понять себя. Шепер указывает на то, что поначалу Бовуар избегала признаний, касающихся своей личной жизни, замыкаясь на отрицании действительности психоаналитической теории. Но автобиография явилась для неё самоанализом¹⁰, благодаря которому она пришла к признанию значимости открытий Фрейда для себя самой.

⁸ Беседа Ингрид Гальстер с Жаклин Гербрант, бывшей ученицей Симоны де Бовуар из лица Мольера; см.: Galster I. *Beauvoir dans tous ses états*. Paris: Talandier, 2007.

⁹ *Simone de Beauvoir's fiction*. Oxford: P. Lang, 2003.

¹⁰ Точку зрения Юлии Кристевой на эту проблему см. ниже, в заключительном докладе.

Что касается Элиан Лекарм-Табон¹¹, она весьма осторожна в использовании психоаналитического подхода и предупреждает о возможности поспешного и безосновательного отнесения творчества Симоны де Бовуар к фрейдизму. Она замечает, что, несмотря на собственные уверения, Симона де Бовуар использовала психоанализ как способ интерпретации. Это просматривается в том, как она объясняет свои отношения с матерью; Бовуар также соглашается с первостепенной важностью детства, но Лекарм-Табон уточняет: Бовуар придаёт значение социальным условиям, что отдаляет её от Фрейда и позволяет не смешивать подход Бовуар с психоанализом. После того как было продемонстрировано, что Бовуар использовала психоаналитический подход для рассказа о своей жизни, Лекарм-Табон сама осуществляет психоаналитическое прочтение *Воспоминаний благовоспитанной девицы (Mémoires d'une jeune fille rangée)*. Она утверждает: то, что «автор отождествляет себя с мужчиной, проявляется сильнее и более бессознательно, чем с первого взгляда позволяет представить анализ». Но Лекарм-Табон уточняет: объяснение того отвращения, которое Бовуар испытывает к женскому телу, нужно искать не у Фрейда, а у других мыслителей (Лекарм-Табон ссылается на Юлию Кристеву).

Что касается *Второго пола*, я отыскал библиографические ссылки, касающиеся темы «Бовуар и психоанализ», которые датируются 1949-м и позже. Этот вопрос более или менее подробно поднимается во многих критических статьях, опубликованных после выхода книги.¹² Даже Франсуа Мориак, который говорит, что *Второй пол* – это порнография, считает, что эта книга стала возможной благодаря творчеству Фрейда! В критике последних десятилетий встречаются попытки определить место, которое психоанализ занимает в творчестве Симоны де Бовуар. В сообщении Мишеля Кайля речь идёт о критике и одобрительных отзывах, которые Бовуар адресовала психоанализу.¹³ Другие авторы заостряют внимание на том, что Бовуар было известно в области психоанализа и где в её знании есть лакуны¹⁴. Элизабет Бадинтер отмечает ошибки, но признаёт, что они не уменьшают значимость и новаторский характер произведения, выражающийся в исследовании идеи материнского инстинкта.¹⁵

В книге Джулиет Митчелл *Психоанализ и феминизм* также раскрывается подход Бовуар, помещённый, однако, в более долгосрочную перспективу развития. Митчелл указывает на то, какую важность Бовуар придавала критике психоанализа, отмечая, что

¹¹ *Mémoires d'une jeune fille rangée de Simone de Beauvoir*. Paris: Gallimard, 2008.

¹² Это касается сборника статей, опубликованного Ингрид Гальстер (Ingrid Galster): *Le Deuxième Sexe de Simone de Beauvoir*. Paris: Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 2004.

¹³ Kail M. *Simone de Beauvoir philosophe*. Paris: PUF, 2006.

¹⁴ В случае Мари-Кристин Амон (указ. соч.).

¹⁵ Бадинтер Э. Глава VI: Мать // Galster, *Simone de Beauvoir*, op. cit., p. 355–364.

именно в главе о психоанализе она вкратце излагает проект своей книги. При этом Митчелл добавляет, что то теоретическое объяснение, с помощью которого Симона де Бовуар объясняет притеснение женщин, в сущности, является психологическим. Я цитирую также тексты Рудинеско, которые раскрывают новаторский характер работ Бовуар; описываю сборник Катрин Рожер¹⁶, в котором представлены интервью с различными феминистками, высказывающими своё мнение о *Втором поле*. Также упоминаю фундаментальные работы Мишель Ле Дёфф¹⁷ и Евы Гётлин¹⁸, в которых рассматривается влияние Сартра на то понимание женского пола, которым пользуется Бовуар. Напоследок привожу в пример Лекарм-Табон¹⁹: её оригинальность заключается в том, что она интересуется менее значимыми психоаналитиками, чем Фрейд, которых Бовуар цитирует; она также показывает, как философ использует их наработки.

Обратившись к библиографии в части вклада Симоны де Бовуар в экзистенциальный психоанализ, я привожу ссылки на книгу *Бовуар философ* уже процитированного Мишеля Кайля и статью Синтии Краус²⁰. Последняя утверждает, что женщина ищет свою трансцендентность в мужчине, но у Бовуар речь вовсе не идёт о поисках пениса: это не поиск, а неконкретизированный экзистенциальный порыв, абстрактное желание свободы. Для Синтии Краус подобный ответ на вопрос Фрейда («чего хочет женщина?») является примером того, как, исходя из точки зрения экзистенциальной морали, Бовуар пересматривает факты, выявленные психоанализом. Что касается Мишеля Кайля, он раскрывает значение экзистенциального психоанализа в творчестве Бовуар, анализируя текст *Нужно ли сжечь маркиза де Сада?*, который показателен в раскрытии основных тезисов экзистенциального психоанализа.

2. Заседания

2.1. Возвращение к автобиографии, романы и персонажи

Даниэль Брюн

В сообщении о «Значении сна у Симоны де Бовуар» психоаналитик Даниэль Брюн задаётся вопросом о том, действуют ли романисты в акте творчества подобно сновидцам. Для Фрейда, напоминая она участникам семинара, личности, фигурирующие во

¹⁶ *Le Deuxième Sexe de Simone de Beauvoir. Un héritage admiré et contesté.* Paris: L'Harmattan, 1998.

¹⁷ *L'étude et le rouet.* Paris: Le Seuil, 1989.

¹⁸ *Sexe et existence. La philosophie de Simone de Beauvoir.* Trad. par M. Kail, M. Ploux. Paris: Éditions Michalon, 1991.

¹⁹ Lecarme-Tabone E. *Le Deuxième Sexe de Simone de Beauvoir.* Paris: Gallimard, 2008.

²⁰ La psychanalyse d'un point de vue féministe matérialiste: l'invite du *Deuxième Sexe // Travail, Genre et Sociétés* 2008. Nov. № 20. P. 158–165.

сне, являются репрезентациями личности сновидца, но сновидец не узнаёт в них себя при описании сновидения. Сновидец прячется в них, именно этим обнаруживая себя. Брюн выдвигает гипотезу, что распределение персонажей в романе, как во сне, коррелирует с рассеиванием аспектов личности романиста. Она возвращается к вопрошанию Фрейда: где литературный творец берёт материал и как он возбуждает в нас те эмоции, которые мы не могли испытывать? Бовуар является творцом, о чём свидетельствует как плодотворность попыток интерпретации её текстов, так и то воздействие, которое *Второй пол* оказал на читателей: они увидели в книге то, о чём думали сами, но не могли выразить, и поэтому примкнули к Бовуар. Почему они присоединились к ней?

Брюн задаётся вопросом о месте женщины в текстах Симоны де Бовуар. Она выделяет два основополагающих и повторяющихся образа женщины в жизни и творчестве Бовуар: влюблённая женщина и женщина, всерьёз размышляющая о своей свободе. Обеих женщин, которые, по сути, являются одной, можно найти в следующих парах: Франсуаза и Ксавье (*Приглашённая, L'Invitée*); Анна и Паула (*Мандарины*); Симона и Заза (*Воспоминания благовоспитанной девицы*). Каждый раз, замечает Брюн, мы имеем дело с отношением между женщиной и так называемой Другой женщиной. Это возвращает нас к тематике *Второго пола* и гегелевской философии, кратко изложенной в эпиграфе к *Приглашённой*: «Каждое сознание идёт на смерть другого».

Брюн отмечает, что в этих парах одна из женщин репрезентирует счастье, тогда как другая – смерть. Когда Сартр посоветовал Бовуар «выйти на сцену» в своих текстах, она решила, что подпитывать литературу своим именем – это такая же серьёзная вещь, как счастье и смерть. Оппозиции в парах женщин, отмечает Брюн, показаны несколько грубо, и это создаёт впечатление *unheimlich*, смешивая знакомое и беспокоящее. Тревожная странность преследует Франсуазу, главную героиню *Приглашённой*. Брюн видит пример *unheimlich* в детских воспоминаниях, которые появляются у Франсуазы, когда она гостит у родителей: речь идёт о старой поношенной куртке, которая не знает о своём существовании и которой девочка безумно хочет приписать своё сознание, отдавая себе отчёт в том, что это невозможно. Брюн видит в этой сцене картину зарождения будущей писательницы, которая будет наделять жизнью персонажей так же, как Франсуаза хотела наделять жизнью куртку. За этими парами женщин, столкнувшихся с тревожной странностью, мы видим колебание Бовуар между жизнью и смертью, между идеальной женщиной и карикатурой: в этой борьбе появляется образ, в котором отражается одновременно и возможность для отождествления Бовуар с её персонажами, и функционирование художественного текста как сновидения.

Британская исследовательница Лайза Аппиньянези размышляет на тему «Бовуар и автобиографическое письмо». Помимо *Воспоминаний (Mémoires)* и последующих книг, она анализирует «автобиографические побуждения», которые появляются в романах Бовуар и во *Втором поле*. Согласно Аппиньянези, отношение Бовуар к вопросу проявления себя в произведениях напоминает то, как она относилась к психоанализу. Бовуар сильнее сопротивляется раскрытию себя в произведениях, которые, предположительно, написаны с целью объяснить её личность; в произведениях же, где герои вымышлены, или в обобщениях (*Второй пол*) Бовуар более откровенна и открыто использует психоанализ. В биографии она рисует слишком идеальную картину себя, что, согласно Аппиньянези, сводит на нет всё то, что она знает о психоанализе. Тем не менее, она знает эту дисциплину и сравнивает её с экзистенциализмом во *Втором поле*.

Несмотря на то что Бовуар выступает противником психоанализа, в её текстах присутствуют психоаналитические интерпретации. Аппиньянези приводит различные примеры этого противоречия. В частности, случай, когда в *Силе обстоятельств (La Force des choses)* Симона де Бовуар рассуждает о *Приглашённой*: писательница оспаривает ложные интерпретации психоаналитиков. Несмотря на объявление некоторых психоаналитических интерпретаций ложными, всё же она признаёт, что при анализе данной сцены может найти место и для психоаналитических объяснений, но подобные объяснения слишком упрощают реальность. Бовуар также признаёт, что литература чем-то похожа на психоанализ, когда говорит о том, что текст *Приглашённой* позволил ей преодолеть трудности нахождения в любовном треугольнике.

Аппиньянези считает, что Бовуар показывает себя способным психоаналитиком и способной писательницей там, где не ограничивает себя. Таким случаем как раз и являются *Воспоминания благовоспитанной девицы*; в этом произведении Бовуар признаёт значимость детства и использует понятия фрейдизма, которые касаются этого этапа жизни. Аппиньянези также отмечает, что в своих наблюдениях Бовуар ищет убежище от депрессии.

Далее британская исследовательница описывает фрейдистский, или даже кляйнианский или лаканианский путь, по которому следует Симона де Бовуар. Благодаря этому Бовуар понимает, что непровольная имитация движения губ матери в момент её смерти способствовала примирению с тем, что сфера материнства первична для женщины. *Очень лёгкая смерть*, утверждает Аппиньянези, свидетельствует об окончании игры в прятки между Бовуар-психоаналитиком и её внутренним «я».

Психоаналитик Лори Лофер обращается к теме «Симона де Бовуар и психоанализ: ненависть, привлекательность, сопротивление?», переходя к анализу романа *Мандарины*. В этом произведении действительно есть измерение, касающееся критики психоанализа. Лофер привлекает для анализа также текст книги *Второй пол*, поскольку, согласно концепции исследовательницы, в этом произведении Симона де Бовуар идёт в обход Фрейда, чтобы выставить в выгодном свете теорию экзистенциализма Сартра. Лофер отмечает, что Бовуар пытается отбросить психоанализ, но не может обходиться без него в теоретических построениях и даже временами обнаруживает психоаналитический эссенциализм. Лофер считает, что психоанализ в долгу перед критикой Бовуар, поскольку она, будучи философом, выявляет в нём идеологические апории. Симона де Бовуар, согласно Лофер, делает из сексуальности философскую теорию.

Лофер также полагает, что во *Втором поле* Бовуар призывает психоанализ к освобождению, в котором он нуждается. Она создаёт психоаналитическую теорию, положив в основу политическое действие. И это становится возможным благодаря Фрейду.

В *Мандаринах*, по мнению Лофер, Бовуар показывает нам, что «психоаналитиком не рождаются, психоаналитиком становятся». Простое изменение формулы Бовуар на этот раз обосновано и достаточно продуктивно. Бовуар, в действительности, критикует не теорию саму по себе, а психоаналитика. В облике персонажа Анны Дюбрёй репрезентируется следование всем догматическим положениям психоаналитической теории. Этот персонаж, согласно Лофер, иллюстрирует факт, что Бовуар критикует не Фрейда, а фрейдистов, парализованных догмой. Но соответствует ли такой несколько суженный взгляд на психоанализ в *Мандаринах* тому, что думала Бовуар? Философ хорошо знала, что психоанализ – это изобретение, создавшее разрыв в способе мышления субъекта и позволившее преодолеть эссенциалистские взгляды биологии и психологии. Рассмотрение случая с Анной, которая застыла в статусе буржуа, позволяет Бовуар поместить психоанализ в политический и социальный контекст. В поведении некоторых персонажей воплощается возможность переосмыслить психоанализ в свете марксизма.

Согласно Лофер, в *Мандаринах* Симона де Бовуар ставит следующие вопросы: можно ли быть психоаналитиком и думать о политике? Можно ли быть психоаналитиком, вовлечённым в социальную практику, и в то же время не быть раздавленным нормативной идеологией? Симона де Бовуар подталкивает психоанализ к тому, чтобы он задался вопросом о собственной практике, потому что психоанализ – это праксис. Праксис не сводится только к акту, он способствует трансформации социальных отношений.

2.2. Возвращение ко Второму полу

Моник Шнайдер

Психоаналитик Моник Шнайдер провела пленарное заседание на тему «Материнство и отчуждение», в центре внимания которого находилась идея Бовуар о том, что женщина подчинена «родовому» в большей мере, чем мужчина. Для автора *Второго пола* женщина поглощена своей судьбой матери, и эта судьба видится не как гуманизированная функция, а как предписанный биологическими законами способ регуляции. Женщина должна приложить усилия, чтобы вырваться из тисков своего рода.

Бовуар не стремится показать борьбу между женщиной и женщиной: она исходит из могущества рода, от которого берёт происхождение пара. Ввиду наличия яичников и матки мужчина рассматривает тело женщины как тюрьму, пишет Симона де Бовуар: тело женщины обременено. Шнайдер находит ценным подобное замечание: Бовуар не говорит о собственно материнстве, поскольку сама женственность несёт в себе риск. Шнайдер указывает на то, что замечание Бовуар уместно и в рамках клинической практики. Психоаналитик отмечает: она заметила в своей практике, что многие женщины хотели бы скинуть три килограмма, чего не наблюдается среди мужчин. Это вес среднестатистического младенца. Небеременные женщины уже находят себя обременёнными эквивалентом постоянного материнства.

Делая упор на роль рода, Бовуар показывает, что борьба происходит не между женщиной и женщиной, а между родом и его жертвой. От женщины требуется отречение от себя – только вследствие этого мужчина играет роль, которая изобличалась в текстах Бовуар. Но изначально отчуждение – это женское тело, а именно: месячные. Конечно, и мужчина и женщина являются, прежде всего, своими телами, но Бовуар утверждает: тело женщины – это нечто другое, чем женщина.

В своей практике Шнайдер не сталкивается с жалобами женщин на предмет внутренней угрозы, идущей из утробы. В своём недомогании они обвиняют внешнего агента: мужчину. Но это не противоречит тезису Бовуар, который весьма близок к истине клинической практики. Для того чтобы снять с женщин обвинения во всех несчастиях, которые вменялись им в течение столетий, Фрейд раскритиковал мнение о женщине как о вместилище зла. Женщины потеряли чрево, которое вновь возникло в *Толковании сновидений* как проявление бессознательного. Часть тела женщины, которую признаёт Фрейд, согласно Моник Шнайдер, это не внутренности, а то, что находится на краю женской пустотности – клитор, вагина. Говоря о риске, который представляет для женщины род, Бовуар включает этот враждебный элемент в тело женщины.

Далее Шнайдер показывает, как Бовуар, ссылаясь на Мерло-Понти («Человек не является естественным видом, это историче-

ская идея»), ограничивает значимость причинности, приписываемой роду, используя исторический материализм. На первое место Бовуар ставит средства производства.

Бовуар рассуждает об «абсурде плодовитости»: у женщины нет периодов стерильности, она может рожать круглый год. Во времена кочевничества это влекло за собой слишком большое количество новорождённых по отношению к ресурсам, к тому же женщина не могла участвовать в приращении ресурсов. Мужчина, таким образом, был гарантом равновесия воспроизводства и производства. Шнайдер считает, что Бовуар устанавливает цену мужским обязанностям; женщина же претерпевает свою биологическую судьбу: рожать и не создавать.

Мужчина «ставит цели, прокладывает к ним пути: он реализует себя как существующего», пишет Симона де Бовуар. Не женщина, а он ведёт войну, и в этом его драма, так как выше животных становятся, рискуя жизнью, а не давая жизнь. Согласно Бовуар, это предполагает иерархию полов. Шнайдер отмечает, что Франсуаза Эритье также уходит от половых различий на основании противоположности порождения/убийства; но в антропологии из этого факта делаются противоположные выводы, а именно, о том, что место мужчины – наихудшее. Он сожалеет о том, что не может породить, находит это возмутительным и поэтому захватывает властные позиции. Шнайдер видит в этом принципиальную позицию Бовуар, способ, с помощью которого она делает уступку жизни со стороны имманентности, пассивности: она не открыта для создания ценностей. Именно мужчина создаёт ценности, которые придают значение существованию. Шнайдер далее показывает, что модель войны разрабатывается только в начале книги, поскольку Бовуар делает выбор в пользу «земли» как символа репродуктивной функции женщины; мужчина хотел бы присвоить их обеих (и женщину, и землю).

Шнайдер показывает, что изначально материнство представлялось Бовуар как не имеющее ценности и мешающее отношениям мужчины и женщины, и если мужчину плодовитость восхищает (он стремится к округлению чрева), то женщина опасается плода в нём. Таким образом, анти-фюзис принимает серьёзную форму: форму аборта. Здесь мы попадаем в зону запретного, замечает Шнайдер, что означает, что в некоторых областях психоанализа приводятся аргументы в пользу того, чтобы не давать оценки аборту: например говорят, что если ребёнка не хотят, это не означает, что ребёнок нежеланный. В такой перспективе факт беременности интерпретируется как утверждение желания телом.

Шнайдер признательна Бовуар за то, что она примирила два прямо противоположных импульса женщины: «Женщина с тревогой ощущает амбивалентность совершаемого ею акта». Согласно Шнайдер, Бовуар следует теоретическим путём, открытым Фрейдом и забытым большинством его последователей: она рассматривает избавление от ребёнка, открытое им в женских снах.

Фрейд дошёл даже до того, что сделал детоубийство специфически женским преступлением. Напуганный своим открытием, он, по мнению Шнайдер, направил своё внимание на гордость фаллосом, которую приписал мальчику: мальчик гордится тем, чего нет у девочки. При первом рассмотрении теории Фрейда Симона де Бовуар также обнаружила важный теоретический пласт, названный Шнайдер *крипто-феминистским*. При интерпретации сновидений некоторых женщин Фрейд распознаёт психическое сопротивление, когда они узнают о своей беременности. Он думает, что эти женщины, наверное, хотят подольше пользоваться свободой, прежде чем стать обременёнными материнством.

Шнайдер указывает, что, с другой стороны, Бовуар освещает природу отношения «мать–ребёнок» и ставит под вопрос формулу психоаналитической доктрины – желание пениса – и тот факт, что женщина находит в ребёнке эквивалент пениса. В действительности Бовуар показывает, что женщине необходима социальная рамка, которая позволит сопротивляться отставке в материнство, и это подтверждено в практике Шнайдер. Симона де Бовуар считает, что теория желания пениса не имеет никаких оснований: во взрослом состоянии мужчина считает свой пенис не игрушкой, а желаемым объектом, обладание которым он взял на себя.

Шнайдер отмечает, что Симона де Бовуар, чтобы затронуть вопросы, относящиеся к женственности, спрашивает о том, что находится в центре мужского опыта. Миражи и негативные высказывания, присутствующие в вопрошании о первом поле, отражаются в дискурсе о втором. Симона де Бовуар подводит нас к важному открытию: она утверждает, что отношение к своей собственной плоти касается не только женщины, но и мужчины. Благодаря такой смене акцентов, осуществлённой Симоной де Бовуар, мы можем рассматривать культурно сконструированное представление о женщине (пассивность, плотское бремя) как стратегию забвения уязвимости мужчины ввиду его состояния воплощённости.

Психоаналитик *Джулиет Митчелл* отвечает на два вопроса, поднятых Моник Шнайдер, и добавляет к ним ещё один.

А. Тело женщины обременено тем, что является для неё родовым признаком. Перевод на английский не позволяет Митчелл прокомментировать тезисы Шнайдер, поскольку для «обременённости» в английском языке используется слово «нагруженность» (*burdened*), не являющееся безупречным эквивалентом. Слово «обременённый» больше подходит для клинических и теоретических наблюдений Шнайдер. Митчелл указывает, что она впечатлена тем, что на сеансе психоанализа парижанки регулярно говорят о желании сбросить три килограмма. В Англии такого нет, говорит она. В Лондоне, наоборот, хотя избавиться не от веса, а от пустоты матки или тела, которое потеряло матку. Согласно Митчелл, в английской традиции с 1920-х гг. женщины-психоаналитики, а вслед за ними мужчины возвращали женщинам матку. Не иметь доступа

к тому, что конституирует матку, или думать, что матка похищена, является в Англии патологией и/или травмой. Митчелл констатирует: пустота (для англичанок) против трёхкилограммового ребёнка (для француженок) означает различные структурные среды для материнства и отчуждения.

Слово «отчуждение», по странному стечению обстоятельств, не появляется в первом переводе *Второго пола*, оно воспринято только вторым поколением английских феминисток. Митчелл согласна со Шнайдер в том, что во *Втором поле* не мужчины противопоставляются женщинам, а оба пола – жестокости рода. В борьбе за то, чтобы переходить от жизни к существованию, мужчины заключают женщин в своего рода тюрьму рода. Несмотря на то что Симона де Бовуар полагает, что женщины отчуждаются в биологическом я, которое представляет собой нечто большее, чем материнство, Митчелл согласна со Шнайдер, когда последняя воспринимает все аспекты женственности как априори материнские. Митчелл хотела только уточнить, выдвинув предположение, что не постэдипальный мужчина, а маленький протоэдипальный мальчик размещается таким же образом, потому что каждый «рождён от женщины» и является субъектом «по закону матери».

Б. Контрацепция – аборт – детоубийство. Митчелл глубоко удивило описание Бовуар во *Втором поле* контраста между криминализацией аборта в публичной сфере и поведением мужчин, которые в частной сфере настаивают на аборте, поскольку не хотят становиться отцами. Как феминистка 1960-х, Митчелл осознавала, что аборт является в высшей степени серьёзным поступком, и она убедилась в этом, когда стала психоаналитиком в 1970-х гг.

Шнайдер понимает, что Фрейд боится того, что мать может не желать ребёнка – Фрейд не хотел исследовать желание детоубийства, – и это очень важно для Митчелл. Тот способ, которым Шнайдер прочитывает Фрейда, делает из Фрейда крипто-феминиста. Равно как и женщины, мужчины, по Митчелл, амбивалентно относятся к факту, что у них будут дети. Митчелл полагает, что оба пола хотят и не хотят ребёнка не только потому, что ребёнок – это смерть родителей, как говорит Гегель и повторяет вслед за ним Бовуар, но также потому, что ребёнок – это не игрушка на один день. Даже если материнство обладает предзаданной сущностью, факт, что у вас есть ребёнок, навсегда превращает вас в мать. Фрейд делает из детоубийства преступление женщины, но детоубийство совершало сновидение. Это противоречит идее второй волны феминизма: не только женщины могут быть как мужчины, но и мужчины желают делать то, что и женщины. Мужчины и женщины хотят забыть своё потомство, даже если они его желали.

В. Бовуар – крипто-психоаналитик. Митчелл констатирует, что Симона де Бовуар была плохо знакома с произведениями Фрейда, когда писала *Второй пол*. Однако Митчелл интересуется не сознательным, а латентным знанием Бовуар о психоанализе. Митчелл делится соображениями о романах Бовуар, в которых

появляются автобиографемы желания убить и ревности Бовуар по отношению к своей сестре и Ольге, любовнице Сартра. Митчелл сама пришла к Фрейду через Бовуар. Она увидела во *Втором поле* вопросы, поставленные Симоной де Бовуар о женщинах на языке философии. Митчелл искала другое выражение для этих вопросов, которое нашла в психоанализе. Фрейд помог ответить на вопросы, поставленные Бовуар, заменив «Другого» философии на «объект» в психоанализе. Но для Фрейда характерно вертикальное видение отношений (отец/дочь). Митчелл хотела бы снова ввести горизонтальные отношения (братья и сестры), чтобы объяснить статус субъекта женщин со стороны субъекта мужчин. Она заостряет внимание на важности рождения младшей сестры или младшего брата, которое трансформирует старшего в мальчика или девочку. Бесплезно означивать отсутствие фаллоса, внешнее присутствие пениса или вульвы маркирует социальное отличие. В *Приглашённой*, назвав Франсуазой, именем матери, персонаж, который является её двойником, Бовуар осуществляет желание, заключающееся в том, чтобы мать избавилась от нового ребёнка (Ксавье, Ольга, Элен). Множество фактов указывают на важность латеральных отношений для Бовуар. Она читала *Феноменологию духа* Гегеля, в которой немецкий философ подробно рассматривает отношение сестра–брат. Мы знаем, как важны латеральные отношения Бовуар с мужчинами. Она завершает *Второй пол* призывом к братству. Следовало бы проблематизировать состояние субъекта сестры; но в это состояние субъекта всегда включено женское.

Жаклин Роуз

В своём ответе Моник Шнайдер специалист по психоанализу Жаклин Роуз хочет схватить чисто психоаналитическое измерение материнского отчуждения в мысли Симоны де Бовуар. Она исходит из дискуссионных вопросов о том, «*как я проявляюсь в мире*» и «*через кого я проговариваю себя*». Последний напоминает Роуз о радикальном отчуждении, характеризующем отношение субъекта и его бессознательного. Она выдвигает тезис, что в мысли Бовуар эти вопросы несовместимы. Бовуар помещает женщину в мир ценностей, в котором нужно выбирать между трансцендентностью и отчуждением. Согласно Роуз, она должна была выбирать между психоанализом и философией. Роуз хочет доказать, что этот выбор невозможен.

Бовуар показывает, что материнство противопоставляет женщину тому, что ограничивает её выбор. Поглощение женщины реальностью по причине её материнства описано у Бовуар как катастрофа. И именно это станет катастрофой для экзистенциалистского проекта, который Бовуар защищала. Бовуар утверждает: женщина не делает детей, она делает саму себя. Женщина ошибочно чувствует себя как имеющую окончательную ценность.

Согласно Роуз, Бовуар приравнивает плод к смерти. Поскольку мать находится во власти того другого, что внутри её, это роднит плод и бессознательное. Таким образом, для Роуз «психоанализ находит своё место в мысли Бовуар, когда речь идёт о матери». Когда Бовуар, критикуя психоанализ, желает поместить женщину в мир ценностей и придать её поведению измерение свободы, она находит взаимопонимание с многочисленными феминистками, которые видят в её произведении завещанную возможность выбора. Роуз же, напротив, думает, что анализ образа матери, совершённый Бовуар, указывает на границы её проекта, «необходимость для каждой женщины примирять свои возможности выбора в качестве субъекта-женщины с областью неукротимого бессознательного».

2.3. Возвращение к экзистенциальному психоанализу

Философ **Мишель Кайль** вёл заседание, посвящённое экзистенциальному психоанализу, на тему «Бовуар и психоанализ: какой психоанализ?» Он объявил, что будет говорить с точки зрения философа, а не психоаналитика: это отразится на оценке отношений между Бовуар и психоанализом как отношений конкуренции. Симона де Бовуар противопоставляет себя психоанализу, она требует попытаться интерпретировать субъективность в логике экзистенциалистской морали, считаясь с фактами, открытыми психоанализом. Речь идёт о конкуренции, потому что Бовуар старается развернуть основные тезисы экзистенциального психоанализа, как того хотел Сартр, который также настаивал на важности детства (*Бытие и ничто*). Как и Фрейд, Симона де Бовуар признавала, что анализ субъективности требует введения понятия значения. Но для Фрейда значением является психическая реальность, в то время как Бовуар настаивала на том, чтобы признать активность по означиванию в качестве функции субъекта.

Для Кайля в этом проявлялась фундаментальная причина противостояния Бовуар фрейдизму: концепция субъекта у Фрейда классическая, в то время как Бовуар стремится трансформировать субъект в сознание, которое является всего лишь бытием, заброшенным в мир. У неё нет «природы субъекта», на которую опирается Фрейд в теории сексуальности, всё ещё находящейся в зачатках у эволюционистской концепции. Зато Бовуар представляет себе сексуальность в терминах экзистенции, что показывает её работа о Саде. Несомненно, наиболее интересная точка для сопоставления психоанализа и концепции Бовуар – это статус, который они приписывают сексуальности.

Целью философа **Ульрики Бьорк** в докладе «Аргумент Симоны де Бовуар против натурализма» является уточнение причин, по которым Бовуар отвергала «психологические объяснения» и способы, с помощью которых она исследовала женственность и отношения между полами во *Втором поле*. В этом произведении Бовуар верна своему мнению, что научные объяснения фактов человеческой

жизни являются редукционистскими, но не до конца отрицает научные объяснения человеческого поведения. Бьорк иллюстрирует это требование Бовуар, обращая внимание на амбивалентное отношение к психоанализу с самого начала творчества. Бьорк полагает, что хоть Бовуар настроена критически по отношению к натуралистским элементам фрейдовского психоанализа, она принимает его интерпретативные аспекты, в основании которых лежит идея о том, что значение импульсов можно узнать только с помощью их ментальной репрезентации, не нарушая целостность субъективных переживаний. Бьорк также показывает, что во *Втором поле* Симона де Бовуар представляет экзистенциальную реинтерпретацию нарциссизма.

Философ *Сесиль Декузю* в сообщении, озаглавленном «Бовуар – Мерло-Понти: психоанализ как хиазм», с помощью понятия феноменологии Гуссерля *Fiktion* подвергает анализу одно из фундаментальных понятий философии Симоны де Бовуар – *lambiguïté* (двойственность) как нетождественность субъективности. «Фикция» заключается в том, что субъективность всегда содержит в себе необходимость инаковости: присутствие другого обосновывает и делает необходимым наше существование, настаивает Бовуар (*Pyrrhus et Cinéas*). Декузю комментирует:

«Для того чтобы я смогла восстановить себя в своём бытии, нужно прежде, чтобы я была вырвана из себя и “проросла” в другом – чтобы он отражал моё бытие-в-мире».

Декузю встречает эту конструкцию во всех романах Бовуар, и особенно в *Приглашённой*. Этот роман показывает не только гелльянское убийство, но и две грани одной и той же иллюзии реальности: иллюзию совершенной коммуникации между я и другим (Франсуаза и Пьер) и иллюзию взаимного исключения (Франсуаза и Ксавье). Декузю видит в зазоре между двумя иллюзиями появление понятия «присвоения». Она напоминает о том факте, что один из персонажей *Крови других* (*Sang des autres*), Бломар, произносит такую реплику: «Я существую, следовательно, я присваиваю».

Для Мерло-Понти, работавшего над этой темой (*Доклад в Мехико*), присвоение – это одновременное преодоление, слияние и разделение пары «я/другой». Он заимствует у Бовуар это понятие, «чтобы увидеть телесность плоти как нашу вписанность в мир». Декузю эксплицирует пределы присвоения для Бовуар: оно разрушает иллюзию суверенной субъективности. «Я не могу уйти в себя», – пишет Бовуар; наш путь по необходимости пересекается с путём другого. Таким образом, в понятии присвоения нам открывается то, что субъективность никогда не совпадает с собой и никогда не реализует себя.

Декузю видит сходство между такой концепцией субъективности и «функцией я (*je*)» в *Стадии зеркала* у Лакана. Рассмотрев утверждение Лакана о повороте от зеркального я к я социальному: «Момент, когда завершается стадия зеркала, становится началом

диалектики, которая отныне связывает я и производимые им ситуации», – Декузю видит в нём такой же, как и у Бовуар во *Втором поле*, способ интерпретации женского вопроса. Женщины будут удерживаться на стадии зеркала и не смогут осуществить «поворот от зеркального я к я социальному», они не смогут подлинно позиционировать себя как субъектов.

Мерло-Понти также заимствует у Бовуар тезис о конфликте между интимностью и социальностью у женщины. Он отмечает, что поскольку душа кажется пустотой, употребление данного термина позволяет избежать пустоты бессознательного. Декузю предполагает, что мы видим «появление того, что могло бы быть полем психоанализа согласно Бовуар и Мерло-Понти». Для них пространство психоанализа могло бы состоять в сочленении видимого и невидимого. Декузю замечает, что бессознательное стало бы в таком случае внепространственным, и уточняет:

«Идею внепространственного раскрывает проект концепции идентичности, предложенный Бовуар, – поскольку “любой субъект располагается насквозь всех проектов как трансцендентность” (*Второй пол*). Одной из выгод идентичности как проекта является то, что он завершается преимуществом “не быть никем” (*Мандарины*)».

Для Сесиль Декузю, таким образом, психоанализ зачастую представляется Бовуар как процесс нормализации, адаптации, потому что, согласно Бовуар, психоанализ не достигает стадии снятия субъективности. Следовательно, согласно Декузю, основная критика, которую Бовуар адресует психоанализу, направлена на его метод.

В сообщении «Исследование, страдание, наслаждение» **Женевьев Фрэсс** приходит к рассмотрению привилегированного положения Симоны де Бовуар. Из-под пера последней вышли тексты, свидетельствующие о том, что привилегия женщины-первопроходца XX века состоит в том, что она обладает не имеющей аналогов силой.

Фрэсс отстаивает идею, что наслаждение у Бовуар преобладает над исследовательским интересом, поскольку является способом отношения к страданиям. Исследованием руководит сила удовольствия, которую называют наслаждением; она изначально связана со страданием, но пытается избавиться от него, следуя за увлекающими возможностями. Согласно Фрэсс, у Бовуар «желание знания», «обработка страдания» и «появление наслаждения» проявляются совершенно новым в истории литературы (а тем более – женской литературы) способом. Фрэсс помещает эту проблематику в перспективу истории демократии и истории литературы, напоминая, что то, что касается женщин, приобретает в ней первостепенную важность. Симона де Бовуар находится в абсолютно новой ситуации:

«Наслаждение первично, и, будучи опосредованным в отношении знания, оно доминирует над страданием».

3. Доклад Юлии Кристевой на закрытии семинара

В своём докладе «Бовуар и психоанализ: взаимный вызов» на закрытии семинара Юлия Кристева обращает внимание на совпадение времени рождения психоанализа и феминизма. Их взаимный вызов подталкивает нас, отметила она, к тому, чтобы попробовать поменять их ролями.

Кристева вспоминает, что Симона де Бовуар, критикуя Фрейда во *Втором поле*, в то же время им восхищается. Тезис Кристевой состоит в том, что Бовуар находит в психоанализе основополагающую революционную идею своей книги и выражает её в разделе, посвящённом психоанализу: пол – это тело, обжитое субъектом, «женщина не определена природой: женщина сама себя ограничивает, принимая эмоциональность за свою природу». Симона де Бовуар, продолжает Кристева, схватывает, таким образом, самое существенное в открытии Фрейда: переход от пола к психосексуальности. Бовуар понимает, что Фрейд не сводит сущность человека к биологическому, хоть её отношение к Фрейду остаётся амбивалентным. Кристева полагает, что Бовуар жёстче всего критикует не фрейдовскую проблему кастрации, а то, что считает систематическим отказом от идеи выбора. Бовуар пытается говорить о реализации экзистенциальной свободы женщин, считаясь с историческим контекстом. Кристева напоминает о том, что Бовуар основывается на феноменолого-экзистенциальном дискурсе, но подпитывает его иными дискурсами освобождения, среди которых и психоанализ, но психоанализ, ассимилированный личностью Бовуар для интеграции его в борьбу.

Далее Кристева приводит рассказы о снах, которые Бовуар оставила в четвёртом томе своей биографии с названием *Всё учтено (Tout compte fait)*. Она отмечает, что Бовуар пытается контролировать, держать на дистанции беспомощность, ощущаемую ею во сне. Кристева отказывается следовать фрейдистской интерпретации рассказов о снах Симоны де Бовуар. Она хочет заставить их «резонировать» с её философскими текстами. Кристева отмечает, что Бовуар в снах много ходит, теряет и теряет свой багаж; в них много убийств, «как и должно быть в снах»: Кристева находит в них женщину, порвавшую связь с эмансипированностью. Она интересуется «двигательным возбуждением» Бовуар, её беспокойным отношением к одежде, снами, касающимися матери (ускользающее материнство и материнство, от которого надо ускользнуть). Кристева останавливается на рассмотрении сна, в котором персонаж хочет разбить яйца вилкой. Она видит в нём свидетельство «глубины самоанализа, который Симона де Бовуар хотела достичь». В

сцене с яйцом совершается убийство матери. Кристева видит в этом выражение «борьбы с другой женщиной насмерть». Жестокость по отношению к другой женщине смягчается в снах, где появляется Сильвия. Кристева также затрагивает темы присутствия отца и его убийства, которые имплицитно присутствуют в сновидениях.

Кристева задаётся вопросом о значении того факта, что глубоко личные вещи Бовуар делает достоянием публики. Идёт ли речь об оболещении публики, или же это попытка влияния на неё? Чего хочет добиться Бовуар, отводя интимному центральное место в политическом действии, – создать свой культ или избежать его? Кристева склоняется ко второму варианту. Она также говорит:

«Гений Бовуар состоит в способности заставить глубоко личное звучать в унисон с тревогами времени, чтобы трансформировать их в неотлагательные действия в области политики: моя боль – ваша боль, и вам нужно её преодолеть на уровне мирового сообщества».

С помощью самоанализа Симона де Бовуар сконструировала произведение, ставшее знаковым для истории женщин.

Свободные ассоциации, возникшие у Кристевой при знакомстве со снами Бовуар, выливаются в рассмотрение *трёх тем*. Сны выявляют подкладку произведения, связанную с интимным, которая, тем не менее, не исчерпывает их содержание. Юлия Кристева использует для психоанализа образ из Пруста: психоанализ не сводится к микроскопическому рассмотрению интерпретации снов и интимного; Кристева хочет использовать телескоп, как она его называет, «детальной социоисторической интерпретации аналитического опыта». С помощью этого инструмента она обследует «три области, в которые Бовуар ввела новшества, вписав своё бессознательное в социоисторическое существование женщин в XX веке».

А. Универсальное и женское: секрет импульсивности и «универсализм». В философии равенство полов, согласно Бовуар, вписано в режим универсального. Кристева защищает тезис о том, что благодаря психоанализу мы знаем, что универсализм основан на отрицании женского тела, женской гомосексуальности и материнства. С помощью формулы: «Женщиной не рождаются, ею становятся» – Симона де Бовуар тем самым говорит, что она сама отказывается от полового различия. Можно сказать, что это следует из того факта, что Бовуар идентифицировала себя с мужчиной. Кристева полагает, что Бовуар намеренно отдавала приоритет критике материнства, потому что её современники могли понять эту критику, и оставила в тени женскую гомосексуальность, чтобы избежать бесплодных провокаций. Кристева видит в этом гениальность Бовуар. Таким образом, она избежала одновременно и эксгибиционизма, и рационалистического отторжения. За тем, что отрицала Бовуар, скрывалась двойственность: это позволяло философу реализовывать свою социальную и политическую линию. Но Кристева видит в этом, кроме прочего, сожаление об отказе от материнства

и признание краха, который она потерпела в своём опыте деконструкции-реконструкции пары.

Б. Пара мужчина–женщина: пересмотреть и исправить. Юлия Кристева отмечает, что пара, которая соответствует модели, предложенной Руссо, была заранее обречена, и женский роман от мадам де Сталь до Колетт изображает трудности этой буржуазной пары. Бовуар-романистка не стала более оригинальной, чем её коллеги. Но в книге *Кровь других* Симона де Бовуар нашла свой стиль на пересечении интимного и политического. Кроме того, что Бовуар показывает себя в романе как свидетельницу событий своего времени, она продолжает деконструировать пару. Более того, Кристева утверждает: «Преодолено само преодоление интимности». Бовуар не перестаёт открывать для себя новые пути и связи: когда абсолютная любовная связь с Сартром рвётся, её заменяет множественность связей: «Об этом всё ещё пишут и говорят».

Юлия Кристева продолжает речь вопросом о «говорящей, адаптирующейся, подвижной жизненности», в которой можно было бы увидеть измену, порочность, манипуляцию. Но Кристева отмечает, что Бовуар сохраняет основное в своих изысканиях; она сама становится подопытным кроликом. Наиболее примечательно для Кристевой то, что пара, которую деконструируют-реконструируют, не превращается в модель. Сартр и Бовуар продемонстрировали «невозможность союза мужчина–женщина без заботы о поддержании этого союза, состоящей в том, чтобы признавать и ценить автономность индивидов». К тому же, отмечает Кристева, обмен мыслями и идеями между ними способствовал тому, что «пара, в некотором смысле, была дискуссией».

Сартр и Бовуар демонстрируют возможность поддержания диалога между двумя автономными индивидами, и учитывая пол, и игнорируя его. Пара является чем-то вроде пространства мысли; это не пара Руссо, которая была основанием власти государства и размножения.

В. Зачем же нужен роман? Хоть Симона де Бовуар и говорит, что для неё главным делом жизни оставалось написание книг, тем не менее не складывается впечатления, что она интересуется языком; он для неё, по мнению Юлии Кристевой, скорее подпорка для мышления, ангажированности, для самой жизни. Действительно ли её произведения, в которых достаточно много деталей, сделаны из слов или же «из неизъяснимого вербального импульса, который ничто не останавливает?» Симона де Бовуар не демонстрирует озабоченности формой.

Кристевой кажется, что для Симоны де Бовуар роман – это всего лишь реконструкция себя, самоанализ и, скорее, социальное послание, чем произведение искусства. Романы Бовуар выбиваются из французской традиции, для которой характерны стилистические поиски. Но подобная особенность её романов необходима, чтобы прояснить теоретические работы Бовуар, от которых неотделимо её художественное творчество.

«После Бовуар роман стал актом экзистенциального утверждения, с помощью которого невыносимость интимного трансформируется в политическую цель».

Бовуар, согласно Кристевой, отличает себя от своего нарративного Я, потому что глубоко личное не смешивается с нарциссизмом; Бовуар действует с помощью «недоговорков» и смещений, что позволяет ей воплощать политическую философию свободы в микрокосме интимного.

В заключение Кристева возвращается к универсализму Бовуар. Она утверждает, что работа романистки Бовуар не является признаком её слабости как теоретика. Кристева видит во взаимовлиянии и взаимодополнении её философии и романов «наивысший акт анализа, который оградил её от того, чтобы она осталась просто в статусе активистки женского движения». В романах проявляется «опытная женщина», что, согласно Кристевой, разрушает фигуру Бовуар-феминистки, привнося во *Второй пол* нечто, присущее каждому человеку. «Призыв сделать политику уникальной, а уникальность – политикой» делает Бовуар чем-то большим, чем миф. И в этом Симона де Бовуар остаётся единственной в своём роде.

Перевод *Лины Медведевой*